

1

Ненастье принес с собой Бобби. Вообще-то дождь в Стокгольме — обычное дело. Но я точно помню: пока в моей жизни не возник Бобби, у нас светило солнце.

Так или иначе, шел дождь. Делать мне было почти нечего, да и не хотелось. Лето, скоро отпуск, и я запру контору. Мы с Люси поедem в Ниццу, будем купаться и загорать. Пить крепкие напитки и натирать друг друга кремом, чтоб не сгореть на солнце. Белла тем временем поживет у деда с бабушкой. Так что в дверь позвонили чертовски некстати. Наш с Люси ассистент Хельмер впустил посетителя и провел ко мне в кабинет. Он остановился на пороге.

Я чую проблему сразу, с первой секунды. Увидев Бобби, я мгновенно заподозрил неладное. И дело не в том, как он был одет. И не в том, что от него воняло как от старой табачной фабрики. Нет, его выдал взгляд. Глаза смахивали на две старые пистолетные пули. Черные, как уголья.

— Вы по какому вопросу? — спросил я, даже не потрудившись снять ноги со стола. — Я скоро закрываю.

— Не раньше, чем поговорите со мной. — С этими словами он вошел в кабинет.

Я поднял брови:

— Кажется, я не приглашал вас зайти.

— Странно, — отозвался он. — А по-моему, приглашали.

Тут я снял ноги со стола и сел как подобает.

Он протянул руку через стол:

— Бобби Т.

Я рассмеялся прямо ему в лицо. Отнюдь не дружелюбно.

— Бобби Т.? — Я пожал ему руку. — Любопытно.

Вообще-то я хотел сказать: чертовски смешно. Ну кто в Стокгольме представляется как Бобби Т.? Хреновое имя хренового гангстера из хренового американского фильма.

— Когда я был маленьким, в нашем классе учились два Бобби, — сказал он. — Вот нас и звали Бобби Л. и Бобби Т.

— Вот как? Стало быть, два Бобби? Редкий случай.

Наверняка не просто редкий, но уникальный. Я старался не смеяться, и без того хватит уже.

Бобби молча стоял у моего стола. Я смерил его взглядом с головы до ног.

— Что было, то было, — сказал он. — Но если вам неохота говорить Бобби Т., то и не надо. Просто Бобби тоже сойдет.

Мысленно я опять вернулся в мир американского кино. Там Бобби был бы здоровенным чернокожим парнем с мамашей в папильотках и папашей, который грабил банки. А сам Бобби Т., старший из четырнадцати мальчишек и кудлатых девчонок, кадрил бы девиц, рассказывая, как водил младших ребяташек

в школу, пока мамаша пила. На женщин подобная дребедень всегда действует безотказно. Жалеют они таких мужиков.

Но вернемся к реальному Бобби. Белобрысый. Тощий и потрепанный. Волосы курчавые, жирные, кожа блестит. Что этому парню нужно?

— Давайте ближе к делу, — сказал я, поскольку посетитель начал мне надоедать. — Я, знаете ли, не лгал, когда сказал вам, что скоро закрываю. У меня сегодня вечером свидание с чертовски горячей штучкой, так что надо успеть принять душ и переодеться. Понимаете?

По-моему, он совершенно не понимал. Мы с Люси иной раз забавы ради гадаем, когда люди последний раз занимались сексом. Бобби, похоже, не занимался им уже несколько лет. Я даже насчет онанизма не был уверен. Люси куда лучше меня наторела в подобных догадках. Говорит, что по нижней части ладони сразу видно, много ли мужчина онанирует.

— Я пришел не ради себя, — сказал Бобби.

— Вот как, — вздохнул я. — А ради кого? Ради папашки? Или мамашки?

Или дружбана, который вовсе не хотел избивать тетку, ограбленную на прошлой неделе?

Этого я не сказал.

Научился держать язык за зубами, когда надо.

— Речь о моей сестре, — сказал Бобби.

Он беспокойно переступил с ноги на ногу, взгляд его впервые стал мягче. Я легонько хлопнул ладонями по столу и стал ждать, надеясь, что мой вид выражает терпеливость.

— Даю вам десять минут, Бобби Т., — сказал я.

Пусть не думает, будто времени у него сколько угодно.

Бобби несколько раз кивнул. Потом без приглашения уселся на один из стульев для посетителей.

— Я все расскажу, — начал он, будто я проявил интерес к его истории. — Я хочу, чтобы вы ей помогли. В смысле, моей сестре. Хочу, чтобы вы доказали ее невиновность.

Как же часто адвокат по уголовным делам слышит такое! Люди загоняют себя в самые что ни на есть сомнительные ситуации, а потом просят помощи, чтобы оттуда выбраться. Но все обстоит иначе. Роль адвоката — моя роль — заключается не в том, чтобы вместо ада отправлять народ в рай. Моя задача — проследить, чтобы те, кто выносит окончательное решение, выполнили свою работу как полагается. И чаще всего так и бывает.

— Вы имеете в виду, ее обвиняют в совершении преступления? — спросил я.

— Не одного. А нескольких.

— Ну хорошо, ее обвиняют в нескольких преступлениях. Но разве у нее нет защитника?

— Был. Только он свою работу не выполнил.

Я потер подбородок.

— Значит, она хочет нового адвоката?

Бобби покачал головой.

— Не она. Я.

— Простите, я что-то не понимаю. Вам самому нужен адвокат? Или вы полагаете, ей нужен новый?

— Последнее.

— Почему же вы хотите другого адвоката, а она нет? Лучше не навязывать людям, что именно им нужно. Большинство могут сами о себе позаботиться.

Бобби сглотнул, взгляд опять стал жестким, как раньше.

— Только не моя сестра. Она никогда не умела заботиться о себе. О ней всегда заботился я.

Стало быть, ответственный брат. Неплохо. В мире таких слишком мало. Или нету вообще.

— Послушайте, — сказал я. — Коль скоро ваша сестра дееспособна, вы не вправе вмешиваться и организовывать для нее защиту. Фактически вы оказываете ей медвежью услугу. Лучше пусть она сама решает.

Бобби наклонился вперед, облокотился о мой стол. Я не выдержал его дыхания и отодвинулся подальше.

— Вы меня не слушаете, — вздохнул он. — Я сказал, моя сестра никогда не умела заботиться о себе. Не умела. Прошедшее время.

Я ждал, толком не зная, что будет дальше.

— Она умерла, — сказал Бобби Т. — Полгода назад.

Застать меня врасплох очень трудно, почти невозможно. Но Бобби Т. сумел. И от него не отмахнешься, он ведь не пьян и не под кайфом.

— Ваша сестра умерла? — осторожно переспросил я.

Бобби Т. кивнул, явно обрадованный, что я наконец-то понял.

— Тогда вы все-таки должны объяснить, зачем пришли сюда. Покойникам защитники не требуются.

— Моей сестре нужен защитник. — Голос у Бобби дрогнул. — Какая-то сволочь ложными обвинениями разрушила ее жизнь, и я хочу, чтобы вы помогли мне это доказать.

Настал мой черед покачать головой.

Тщательно подбирая слова, я сказал:

— Бобби, вам надо обратиться в полицию. Я адвокат и расследованием преступлений не занимаюсь. Я...

Бобби треснул кулаком по столу, и я невольно подскочил.

— Да мне по барабану, чем вы там, по-вашему, занимаетесь. Послушайте-ка меня. Я уверен, вы поможете моей сестре. Потому и пришел. Вы же сами говорили, я слышал. По радио.

Я удивился:

— Вы слышали, как я говорил по радио, что хочу помочь вашей сестре?

— Вот именно, вы сказали, что любой адвокат мечтает о такой подзащитной, как она.

Мало-помалу до меня дошло, о чем он толкует. И кто его сестра.

— Вы — брат Сары Техас, — сказал я.

— Телль! Ее фамилия Телль!

Горячность в его голосе заставила меня отпрянуть. Он поспешно сменил тон, повторил:

— Вы сказали, что хотите помочь ей. Сказали по радио. Значит, вправду так думали.

Ах ты черт.

— Это было интервью по поводу актуальных уголовных преступлений. — Теперь я старался держаться дружелюбно. — Просто я неловко выразился. Глупо получилось. Дело вашей сестры было весьма необычным. Потому я и сказал, что это мечта любого юриста.

Я и сам толком не верил, что это правда.

Передо мной сидел брат женщины, которая созналась ни много ни мало в пяти убийствах, а потом, получив увольнительную, за день до суда сбежала от конвоя и покончила с собой.

— Я помню ваши слова, — сказал Бобби, — потому что слушал это интервью не один раз. Оно выложено в интернете. Да и справки о вас я навел. Вы умелый адвокат.

Надо же, каков льстец.

Умелым меня назвал.

С этим я, понятно, не мог не согласиться.

Умелый, но не настолько, чтобы воскрешать мертвых.

— Боюсь, вам придется примириться с реальностью. Вашу сестру обвиняли в очень тяжких преступлениях. И она созналась, Бобби. Глядя прямо в глаза дознавателю и прокурору, сказала, что всех этих людей убила именно она. Сначала двоих, когда работала няней в Техасе, в Штатах. Потом еще троих здесь, на родине, в Швеции. Улики были веские и остались таковыми. Вы уже ничего не можете для нее сделать.

Он долго молча смотрел на меня, потом наконец проговорил:

— Она лгала. Не убивала она этих людей. И у меня есть доказательства.

Я устало развел руками. И только затем сообразил, что следовало сказать с самого начала:

— Если у вас есть информация, указывающая на невиновность вашей сестры, вам надо идти в полицию. Немедля. Ведь это означает, что убийца кто-то другой и его необходимо остановить.

Когда я сержусь или нервничаю, ноздри у меня раздуваются. Как у коня. Люси сказала мне об этом чуть ли не сразу после знакомства и, если б видела меня сейчас, наверняка бы расхохоталась.

— Вы понимаете, о чем я говорю, Бобби? Вам надо идти в полицию.

Окаянный дождь барабанил по окну у меня за спиной с такой яростью, что мне казалось, еще немного — и стекло не выдержит.

Бобби, видимо, тоже нервничал.

— Я там уже был. Они меня не слушали. Ни когда Сара была жива, ни потом.

— Сходите еще раз.

— Да им начхать.

— Возможно, так кажется, но поверьте: они слушают. И если решают оставить ваш рассказ без внимания, то потому, что считают его неинтересным. И с этим вы должны примириться.

Бобби стремительно вскочил, даже стул опрокинул. Лицо его, до сих пор бледное, побагровело.

— Я никогда не примирюсь с тем, как они поступили с Сарой. Никогда!

Я тоже встал.

— Откровенно говоря, тогда я не знаю, что вам сделать. Ведь я вам помочь не могу.

На секунду мне показалось, что сейчас Бобби вмажет мне в челюсть, но, похоже, он сумел обуздать бешенство. Потом расстегнул пиджак, достал из внутреннего кармана сложенный листок бумаги, протянул мне:

— Вот.

Я нерешительно взял листок, развернул.

— И что это? — спросил я, прочитав, что там написано.

— Доказательство ее невиновности, — сказал Бобби.

Я перечитал бумагу еще раз.

Вроде как билет, автобусный или железнодорожный. С английским текстом:

Houston to San Antonio

5.30 PM

Friday 8 October 2007

Я отчаянно старался подавить досаду. Нет у меня времени на подобную чепуху.